

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГРАМОТЫ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ МИНИАТЮРА

Зипунникова Наталья Николаевна

Заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-1800-3704, e-mail: igp@usla.ru.

В статье обозначен конкретный историко-правовой сюжет, связанный со специфическими узаконениями – утвердительными грамотами российских императорских университетов, находившихся в ведомственном подчинении Министерства народного просвещения. Отмечена динамичность законодательства об образовании и науке в Российской империи, а также особая роль в нем нормативных правовых актов об университетах. Утвердительные грамоты (акты постановления, учреждения) университетов начала XIX столетия охарактеризованы как компактные узаконения учредительной природы, имевшие не только нормативную нагрузку, но и немалое символическое значение. Актуализирован вопрос о грамоте Иркутскому университету, открытому одним из белых правительств – Временным Сибирским в 1918 г. Представлен отложившийся в Государственном архиве Иркутской области документ. Сделаны выводы о работе сложных механизмов преемственности в так называемые переходные периоды, а также о перспективности осмыслиения указанных нормативных правовых актов в контексте развития законодательства об образовании и науке.

Ключевые слова: образование и наука в России, императорские университеты, Министерство народного просвещения, университетское законодательство, утвердительные грамоты, учредительный характер, грамота Иркутского университета, белые правительства

Для цитирования: Зипунникова Н. Н. Университетские грамоты в системе российского законодательства об образовании и науке: историко-правовая миниатюра // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 56–65. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_56.

UNIVERSITY CERTIFICATES IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LEGISLATION ON EDUCATION AND SCIENCE: A HISTORICAL AND LEGAL MINIATURE

Zipunnikova Natal'ya

Head of the Department of History of State and Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, candidate of legal sciences (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0003-1800-3704, e-mail: igp@usla.ru.

The article outlines a specific historical and legal plot related to specific legal acts, namely the approval certificates of Russian imperial universities, which were under the jurisdiction of the Ministry of Public Education. The article highlights the dynamic nature of the legislation on education and science in the Russian Empire, as well as the specific role of the legislation on universities. The approval letters (acts of resolution and establishment) of the universities of the early XIX century are described as compact legal acts of a founding nature, which had not only a regulatory function but also

a significant symbolic value. The article updates the issue of the charter of the Irkutsk University, which was opened by one of the White governments, the Provisional Siberian Government, in 1918. A document from the State Archives of the Irkutsk Region is presented, and conclusions are drawn about the complex mechanisms of continuity during the so-called transitional periods, as well as the potential for understanding these legal acts in the context of education and science legislation.

Key words: education and science in Russia, imperial universities, Ministry of Public Education, university legislation, charters of approval, constituent character, charter of Irkutsk University, white governments

For citation: Zipunnikova N. (2025) University certificates in the system of Russian legislation on education and science: a historical and legal miniature. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskому zhurnalu»*, no. 6, pp. 56–65, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_56.

Динамичное формирование и развитие российского законодательства в сфере образования, науки и в целом культуры в XVIII – начале XX в. было связано, кроме прочего, с принципиальным изменением роли закона в системе источников права, о чем размышляли еще дореволюционные исследователи, прежде всего историки-юристы¹. Как писал М. Ф. Владимирский-Буданов, специально исследовавший вопрос², народное просвещение в XVIII столетии было признано «одной из важных функций государства, но, понятно, только как одно из условий государственной службы»³. Созданное в начале «университетского» XIX в. Министерство народного просвещения (МНП) получило в заведование значительную часть образования, науки, культуры⁴, став также идеологическим ведомством государства⁵.

Эволюция сферы просвещения в XIX – начале XX в., социокультурных, юридико-политических, экономических, научно-технологических и иных потребностей, разнообразных научно-образовательных, культурно-просветительских практик привела к созданию ученого-учебных частей в различных ведомствах империи⁶, но управляемое ядро сохранило МНП⁷. Правовое регулирование образовательно-научной деятельности (шире – сферы культуры) в императорской России, несмотря на предпринятые усилия исследователей, как думаем, нуждается в дальнейшем осмысливании.

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. С. 272; Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2004. С. 3. А. Н. Филиппов указывал, что в петербургский период «право творится уже не путем обычая, только санкционируемого верховной властью, но путем закона как самостоятельного источника, проводящего в жизнь свои цели, свои принципы». См.: Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. 5-е изд., изм. и доп. Ч. 1. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1914. С. 531.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874; Его же. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. 1: Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1874.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 270.

⁴ Манифест «Об учреждении министерств» от 8 июня 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (далее – ПСЗ-1). СПб.: Тип. II Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 27. № 20406. Глава ведомства в узаконении именовался «министром народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук».

⁵ Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России / отв. сост. Д. И. Раскин. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. С. 773.

⁶ Обученых комитетах и советах министерств и ведомств Российской империи как формах организации науки и ученого-административных учреждениях см., например: Павлова Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1990; Соболева Е. В. Организация науки в преобразованный период. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. Как отмечает А. А. Миронос, анализируя законодательство и размышляя о научном обеспечении государственного управления, этим структурам было присвоено название «особых установлений». См.: Миронос А. А. Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2000. С. 21.

⁷ Важно заметить, что в МНП также работал Ученый комитет. См.: Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенат. тип., 1902. В литературе справедливо отмечается, что МНП было наиболее «наукоемким» министерством. См.: Родный А. Н. Международно-региональная и ведомственная мобильность российских естествоиспытателей в XVIII – первой половине XIX века // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 2. С. 19.

Университетоцентричность образовательно-научной сферы Российской империи обусловила особое значение законодательства об этих государственных учреждениях, по сути, сопрягавших, смыкавших высшее образование и науку¹, по поводу чего уже была возможность высказываться². Не умаляя значения академического законодательства, пластов узаконений о других учебных заведениях и научных обществах, подчеркнем, что нормативные правовые акты, регулировавшие университетскую деятельность, можно определить как ядро образовательно-научного законодательства рассматриваемого периода. Постепенно, в том числе в ходе рационализации управленческих практик, выстраивалась система актов нормативного содержания нескольких уровней: высочайшие узаконения – ведомственные акты – документация попечителей учебных округов – университетские правила.

В свою очередь, в сложноорганизованном массиве университетского законодательства, который может быть представлен посредством разнообразных количественных и качественных характеристик самодостаточным очерком, заслуживают пристального внимания утвердительные грамоты, акты постановления, учреждения. В самом общем виде эти узаконения представляются возможным описать как со-проводившие процесс открытия (восстановления, трансформации) университетов компактные нормативные правовые акты учредительной природы, т. е. высочайшие узаконения с концептуальными идеями («системой координат»), развивавшимися в узаконениях особого порядка – университетских уставах. «Соцветие» таких дарованных образовательно-научным центрам актов в России приходится на начало XIX в. В «экспериментальном» для университетов и университетского законодательства предшествующем столетии существовали иные потребности и вопросы, тщательно описанные в историографии, включая проблематику «права первородства» институций и наличия / отсутствия полноценного университетского устава.

В ходе реформ в сфере просвещения в начале XIX столетия, как справедливо отмечает А. Ю. Андреев, в российской истории вновь, как и на рубеже XVII–XVIII вв.³, но «в гораздо более торжественной и широкой форме появилось понятие даруемой верховной властью Утвердительной грамоты университета, необходимой для законодательного закрепления его привилегий и выступавшей обязательным условием основания университета в Средневековье и раннее Новое время». Университетские утвердительные грамоты в России начала «университетского» XIX в., получавшиеся учебными заведениями и впоследствии бережно хранившиеся, историк характеризует как «видимо, самые поздние» в рамках истории европейских университетов, напоминая также об утвердительной грамоте от баденского курфюрста Карла Фридриха Гейдельбергскому университету 1803 г.⁴ В словарной статье в специальном издании он определяет утвердительную грамоту как законодательный акт, гарантировавший права и привилегии университета со стороны верховной власти Российской империи, подчеркнув роль попечителя университета М. Н. Муравьева⁵ как составителя документа, а также то обстоятельство, что подлинный экземпляр грамоты для Москов-

¹ По мнению С. Ф. Ольденбурга (1863–1934), востоковеда и филолога, постоянного секретаря Российской академии наук, «XVIII век был для науки веком академий, XIX век стал веком университетов, а XX век будет веком исследовательских институтов». Цит. по: Кожевников А. Первая мировая война, гражданская война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: материалы Междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 98.

² Зипунникова Н. Н. От университетских уставов Российской империи к советским законам об образовании и науке: о формировании юридико-интеллектуального пространства (юбилейная магистраль) // Российский юридический журнал. 2024. № 3. С. 172, 173.

³ Речь идет о жалованных грамотах Киевской (Киево-могилянской) коллегии (впоследствии – академии) 1694 и 1701 гг.

⁴ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. С. 388.

⁵ О М. Н. Муравьеве, товарище министра народного просвещения, первом попечителе университета и учебного округа, см., например: Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование Александра I. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1889. С. 10–13. Многогранная личность просвещенного государственного деятеля небезынтересно показана также: Кунц Е. В. М. Н. Муравьев – реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый хронограф, 2018.

ского императорского университета с подписью Александра I и печатью Российской империи хранится в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ¹.

Так, 5 ноября 1804 г. были подписаны утвердительные грамоты для реформировавшегося Московского и вновь создаваемых Казанского и Харьковского императорских университетов². Текстуально документы схожи, различаясь лишь вводной частью³. Символика, стилистика, семантика вступлений к грамотам отражают «дней Александровых прекрасное начало», а также предысторию, предтечу организации (реформирования) институции. Монарх обращал особенное внимание на Московский университет, «рассуждая за благо» объявить «торжественную признательность» и даровать новые права и преимущества, «более сообразные с просвещением текущему времени»; в числе заслуг «первого в России высшего училища» – «великое» участие на протяжении полувека в образовании способных для государственной службы людей, в распространении знаний и особенно – в усовершенствовании русского («отечественного») языка. Роль одного из основателей университета, по характеристике документа – «знаменитого любителя наук», И. И. Шувалова определена через «патриотическое представление» проекта императрице. Во вступлении к грамоте университета в Казани упоминается созданная там в 1758 г. гимназия, в преамбуле к грамоте Харьковского университета – инициатива слободско-украинского дворянства направить на обустройство нового учебного заведения «достойное признательности Нашей и вечной памяти потомков пожертвование».

В основной – регламентирующей – части текстов узаконений (всего 21 параграф) университеты определялись как сословие ученых мужей, управляемое на основании уставов. Принципиальной основой их правового статуса являлись императорская протекция и ведомственная принадлежность Министерству народного просвещения; главной целевой установкой выступала, наряду с общепросветительской, утилитарная задача подготовки государственных служащих.

Кроме того, в узаконениях в самых общих чертах устанавливались особенности внутреннего устройства институций (совет, правление, делопроизводство, печать), взаимодействия с иными государственными структурами, а также права и преимущества самого учебного заведения и лиц, с ним связанных. Из этих общих рамок, тем не менее, следовали со всей очевидностью закладываемые «правила игры», в том числе самоуправленческий потенциал университетов в учебном, научном плане, «внутренняя расправа и начальство над всеми своими членами, подчиненными и их семействами, при университете пребывающими». Приравниваясь в отношении к другим присутственным местам к коллегиям, университеты также получали право предлагать необходимые изменения в своем устройстве, направляя соответствующие инициативы через попечителя округа на имя главы ведомства.

Университетам предоставлялись права определять в качестве почетных членов российских или зарубежных ученых, возводить в ученые степени (или «достоинства» – кандидата, магистра, доктора), беспощадно выписывать из-за границы книги, инструменты, машины, художественные и иные необходимые пособия; университетские здания, равно как и дома профессоров (собственные либо наемные), освобождались от постоянного платежа квартирных денег; делопроизводство университета освобождалось от пошлин и использования гербовой бумаги. Университет получил право (одновременно задачу) цензуры собственных сочинений, выписываемых из-за границы для своих нужд произведений, а также всей продукции, издаваемой в университетском учебном округе. В распоряжении учебного заведения были типография и университетская лавка.

¹ Андреев А. Ю. Утвердительная грамота // Императорский Московский университет: 1755–1917: энцикл. слов. / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 749–750.

² ПСЗ-1. Т. 28. № 21502, 21503, 21504.

³ Составители актов «профильной» систематизации законодательства об образовании и науке все три узаконения показали одним порядковым номером (44), сопроводив следующим пояснением: «Дарованные университетам Московскому, Харьковскому и Казанскому утвердительные грамоты, буквально между собой согласные, имеют только различные вступления, и потому здесь помещен текст утвердительной грамоты Московского университета, и потом только вступления грамот университетов Харьковского и Казанского». См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. Стб. 254.

Привлеченные на службу в университет иностранцы получали льготы при въезде в Российской империю и при пересечении границы. Особенное внимание в грамотах было уделено правам и преимуществам универсантов (ректора, профессоров, преподавателей, сотрудников, студентов), обусловленным связью с государственной службой: устанавливались классные чины¹, право на выслугу и пенсионное обеспечение, в том числе членам семей. Новое звание – заслуженный профессор – присваивалось профессорам и адъюнктам за 25 лет службы в университете.

Грамотами определялось изначальное годовое содержание университетов, в них содержалась монаршья уверенность в старании всех членов ученого сословия на пользу соответствующего округа и всех верноподданных.

Чуть раньше из-под пера монарха вышли документы сходной природы и назначения, адресованные Дерптскому и Виленскому императорским университетам, которые исторически имели традиции высших учебных заведений, восходившие ко второй половине XVI – первой половине XVII в.² Так, Акт постановления для Дерптского университета был издан 12 декабря 1802 г.³ Им учебное заведение учреждалось на «вечные времена» для империи, в особенности Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний, в целях распространения знаний и образования юношества на службу Отечеству. Для размещения университета и его развития университету передавались недвижимость и денежные средства; дворянство каждой из остзейских губерний могло выбрать куратора для управления экономическими делами учебного заведения, университет вместе с кураторами соуправлял имуществом, ежегодно направляя министру отчет, который, будучи опубликован в печати, становился доступным и для широкой публики. Императорская протекция, профильное ведомственное управление (в том числе назначение «члена-попечителя» от Комиссии об училищах) и широкие самоуправленческие возможности также нашли отражение в этом учредительном для университета акте. Принцип выборности выступал одним из ключевых; избранный ректор, обязанный заботиться о сохранении «доброго во всем порядка», имел право при необходимости требовать помощи военного начальства.

Акт закреплял в целом те же привилегии университета и универсантов, что были впоследствии отражены в вышепоказанных грамотах 1804 г. Кроме прочего, университетские здания, в том числе занимаемые профессорами, освобождались от военного постоя. Классные чины, право на выслугу и пенсионное обеспечение формировали основу правового статуса профессоров и преподавателей. Устанавливался размер годового жалованья профессорам в течение первых десяти лет (2000 руб. государственными ассигнациями); кроме того, в качестве надбавки ректору назначалась четвертая, а каждому декану факультета – десятая часть этой суммы.

Университету предоставлялось право приема в студенты лиц «всякого звания и состояния», включая иностранцев, обязанных предъявить соответствующие письменные свидетельства о своем состоянии. Устанавливалось правило, которое предполагалось ввести в действие через пять лет после открытия учебного заведения: для занятия мест, требующих юридических или иных знаний, российские подданные – уроженцы остзейских губерний должны были обучаться в течение трех лет в Дерптском или другом университете империи (исключением были чиновники, определяемые по именному повелению).

По мнению А. Ю. Андреева, наиболее важными статьями узаконения, проводившими принципы автономии, были п. 3 (самостоятельное управление доходами «обще с кураторами»), п. 6, даровавший автономный университетский суд («внутреннюю расправу») для преподающих, учащихся, служащих в университете и членов их семей, п. 9, согласно которому все должности в университете избирались советом, после чего ректор поступал на высочайшую конfirmацию, а профессора, учителя, чи-

¹ Так, ректору присваивался 5-й класс, ординарным профессорам – 7-й, экстраординарным профессорам, адъюнктам и удостоенным университетом степени доктора – 8-й, магистрам – 9-й, студентам-кандидатам – 12-й. Поступив в университет, студенты получали право носить шлагу, а отличившиеся успехами в науках и похвальным поведением при вступлении в службу приобретали чин 14-го класса.

² Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1 / предисл. В. А. Садовничего. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 228.

³ ПСЗ-1. Т. 27. № 20551.

новники – через «члена-попечителя» – на утверждение профильного министра¹. Примечательны обстоятельная характеристика подготовки этого, по сути первого, документа учредительной природы, особая роль в этом процессе дерптского профессора физики Г. Ф. Паррота, отстаивавшего интересы институции в общении с императором Александром I².

Императорский университет в Вильно получил акт утверждения 4 апреля 1803 г.³ Во вводной его части кратко обозначалось намерение «обеспечить навсегда существование древнего Университета Виленского, основанного в 1578 году, а в 1781 возобновленного сообразно настоящей степени познаний у просвещеннейших народов Европы». Как просветительская, так и утилитарная задачи университетского образования формулировались в узаконении в полной мере: образование полезных граждан для всех состояний и всех родов государственной службы.

В целом нормативный правовой акт содержал правила, схожие с содержавшимися в показанных выше утвердительных документах. Важно добавить, что университет назывался не сословием ученых мужей, но «особенным сословием» на основании устава, «своевенного заведениям сего рода». Несколько подробнее характеризовалась инфраструктура университета (но также в контексте привилегий – освобождения от постоев): здания, залы, кабинеты, типография, аптека и больничные заведения. Обозначалась управленческая роль университета в учебном округе. Так, в подчинение университета определялась Виленская гимназия, но также общественные и частные училища и пансионы, как существующие, так и учреждаемые впоследствии. Часть норм акта устанавливала комплекс недвижимости университета: как уже принадлежащие здания, так и возможные к передаче в будущем имения, принадлежавшие ранее иезуитам. Все «поиезуитские имения, доходы, дома, земли и другие приобретения», имеющиеся и предполагаемые к приобретению по монаршьей воле, все дары и доходы по завещаниям частных лиц не могли быть отчуждены у университета и должны были использоваться строго для университетских задач и нужд.

Учредительные университетские грамоты и акты в своих текстах закономерно содержали отсылки к уставам учебных заведений, в которых правовой статус университетов и универсантов определялся более обстоятельно. В историографии разных эпох эти узаконения, их подготовка, содержание и значение нередко характеризуются (или хотя бы только упоминаются) в комплексе⁴. И подчеркнем, что грамоты (акты), наряду с функцией правового регулирования, имели большое символическое значение, продвигая особый характер и статус университета как непериферийной институции. Октоированые, дарованные властью узаконения открывали / реформировали / восстанавливали официальную университетскую жизнь, а она формировала специфику их длительного повседневного развития.

Проблематика анализируемых и подобных им документов, как думается, не исчerpывается началом XIX в. Так, сложная, долго существовавшая проблема Сибирского университета, разрешенная открытием в конце столетия императорского университета в Томске, не перечеркнула устремлений общественности Иркутска называемая университетским городом. На разломе эпох одно из белых правительств открыло

¹ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. С. 389.

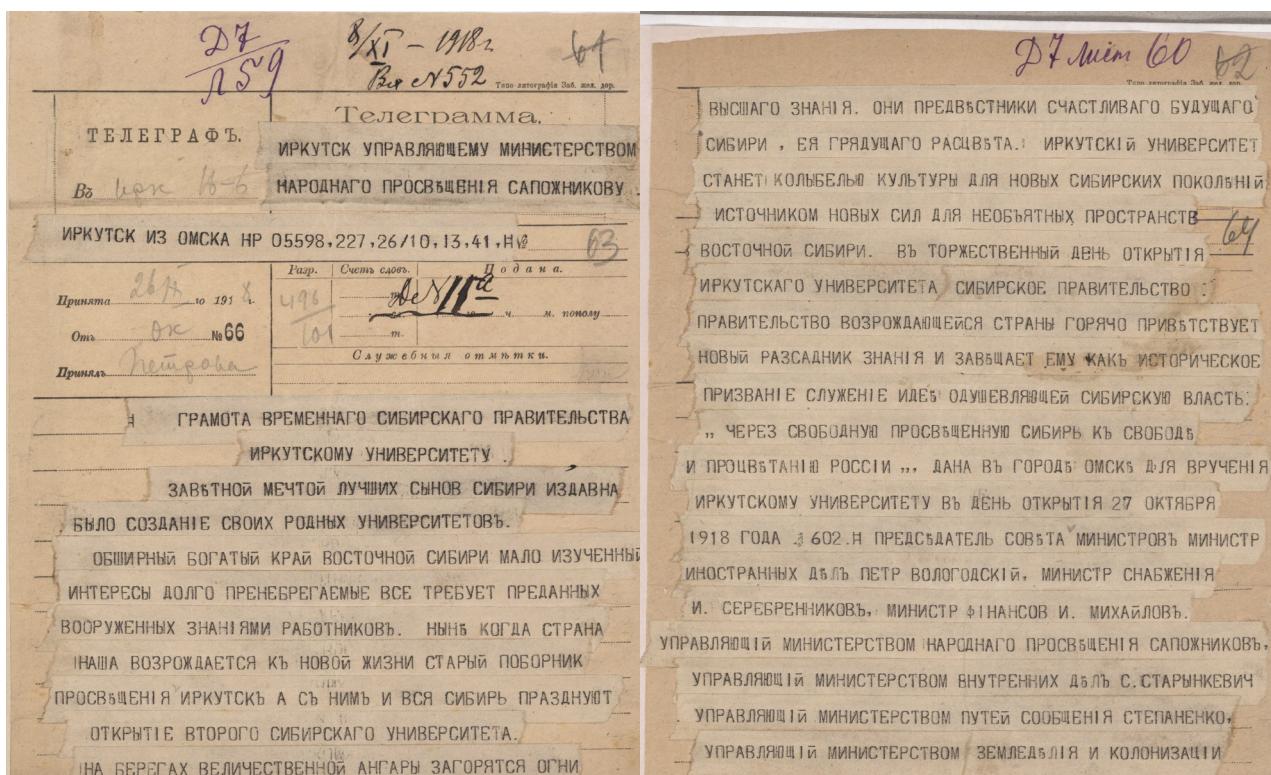
² Там же. С. 382–387. Автором введена в научный оборот переписка императора и ученого. В письме монарху от 28 октября 1802 г. Г. Ф. Паррот писал: «Позавчера утром все силы университету принадлежали, а жизнь – Вам» (дело в том, что 26 октября монарх дал ученому аудиенцию, первую в длинном ряду их личных встреч. – Н. З. См.: Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. С. 383). В том же письме профессор указывал: «Акт постановления, который желаем мы получить, есть последний недостающий камень сей постройки, и разве все сомнения касательно участия каждого из нас, все сражения, выпавшие нам на долю, все страдания не дают нам право узреть завершение нашего деяния?» См.: Андреев А. Ю. Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота / пер. писем с фр. В. А. Мильчиной. М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 150–151.

³ ПСЗ-1. Т. 27. № 20701.

⁴ См., например: Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М.: Университетская тип., 1855. С. 339; Андреев А. Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 129–130; История Казанского университета / гл. ред. И. П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 14–15 и др.

в 1918 г. Иркутский университет в составе двух факультетов: историко-филологического и юридического. В литературе отмечались отнюдь не праздные вопросы и «точки отсчета» функционирования и изначальной правовой основы второго в Сибири университета¹. В преддверии 100-летия вуза исследователи его истории ввели в научный оборот некоторые документы – «уникальные исторические источники об истории создания и деятельности ИГУ в 1918–1920 гг.». В то же самое время было высказано сожаление, что так и не удалось установить судьбу другого уникального документа – «Грамоты о создании ИГУ», подписанной премьер-министром Российского правительства Володарским и врученной ректору ИГУ М. Рубинштейну 3 декабря 1918 г.²

Отметим, что в фондах Государственного архива Иркутской области отложился прекрасный документ – Грамота Временного Сибирского правительства Иркутскому университету, направленная телеграммой из Омска 26 октября 1918 г. (в канун торжественного открытия университета)³. В силу значимости исторического, историко-правового источника приведем его здесь «картинкой» для возможности ознакомиться и с его содержанием, и с формой.

В архивном деле собраны торжественные телеграммы в связи с открытием нового университета. И представленная «грамота» также во многом похожа на поздравительное приветствие по случаю важного события. Тем не менее специфика адресанта, сыгравшего значительную роль в появлении институции, объясняет использование особой исследовательской линзы в ходе анализа документа. В нем примечательно все: и название («грамота»), и упомянутый персонально в качестве адресата управляющий Министерством народного просвещения названного правитель-

¹ Alma Mater. Иркутский классический... Историко-публицистические очерки, посвященные 85-летию Иркутского государственного университета / гл. ред. и сост. А. Гимельштейн. Иркутск: Восточно-Сибирская изд. компания, 2003. С. 23; Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 81–82; Зипунникова Н. Н. «Учредить государственный университет в городе Иркутске на следующих основаниях...»: о столетии УрГЮУ сквозь призму документа // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 204–210.

² Ануфриев А. В. Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 21. С. 170.

³ Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 63, 64.

ства Сапожников¹, и указанная в тексте дата непосредственного торжества открытия, и перечисленный состав правительства, и, конечно же, пафос стилистики текста. В отличие от вышепоказанных грамот начала XIX в., документ для Иркутского университета не содержит сформулированных правил². Однако тезисы о «создании своих родных университетов» как «заветной мечте лучших сынов Сибири», о возрождении страны «к новой жизни», о возлагаемой на Иркутский университет роли «колыбели культуры для новых сибирских поколений, источника новых сил для необъятных пространств Восточной Сибири» или завещание новому учебному заведению «исторического призыва» служения идее, одушевляющей сибирскую власть: «через свободную просвещенную Сибирь к свободе и процветанию России», – в полной мере отражают специфику времени. Представляется, что направление «грамоты» от имени правительства, последующая соответствующая регламентация деятельности новой институции свидетельствуют о работе важных и сложных механизмов преемственности в культуре, науке, образовании: отсылка к предшествующему опыту чрезвычайно важна, особенно в переломные моменты истории, в так называемые переходные периоды. И в этом смысле сложно переоценить усилия исследователей по продвижению в познании государственно-правовых систем, практик законодательствования белых правительств, наряду с дальнейшим изучением особенностей строительства новой образовательно-научной системы и ее правового регулирования советской властью, осенью 1917 г. провозгласившей порывание с предшествующей традицией.

Подводя итог, вновь подчеркнем, что законодательство об образовании и науке в XVIII – начале XX в. занимало отнюдь не периферийное место в эволюционировавшей отечественной правовой системе. Венчая образовательно-научную систему страны и находясь в ведении Министерства народного просвещения, императорские университеты «обрастали» соответствующим пластом законодательства. Среди обилия узаконений различных форм и содержания выделяются утвердительные университетские грамоты (акты постановления, учреждения), которые сопровождали процесс открытия или трансформации этих учебных заведений, отсылая к опыту европейских университетов Средневековья и раннего Нового времени. Будучи актами учредительной природы, эти небольшие по объему узаконения имели кроме нормативной нагрузки и немалое символическое значение. Перспективным видится осмысление не только известных грамот начала XIX столетия, но и вопроса об университетской грамоте для второго в Сибири вуза – открытого одним из белых правительств в 1918 г. Иркутского университета.

Список литературы

Андреев А. Ю. Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота / пер. писем с фр. В. А. Мильчиной. М.: Новое лит. обозрение, 2023. 736 с.

Андреев А. Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 240 с.

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.

Андреев А. Ю. Утвердительная грамота // Императорский Московский университет: 1755–1917: энцикл. слов. / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 749–750.

Ануфриев А. В. Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 21. С. 166–172.

Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. 1: Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1874. 325 с.

Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874. 142 с.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. 640 с.

Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенат. тип., 1902. 202 с.

¹ Профессор В. В. Сапожников (1861–1924), известный ученый, ботаник, географ, участвовал в торжественных мероприятиях по открытию университета. См.: Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Указ. соч. С. 83.

² Таковые появятся в постановлении 1919 г. См.: Зилунникова Н. Н. «Учредить государственный университет в городе Иркутске на следующих основаниях...»: о столетии УрГЮУ сквозь призму документа. С. 204–210.

Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 63, 64.

Зипунникова Н. Н. От университетских уставов Российской империи к советским законам об образовании и науке: о формировании юридико-интеллектуального пространства (юбилейная магистраль) // Российский юридический журнал. 2024. № 3. С. 170–183.

Зипунникова Н. Н. «Учредить государственный университет в городе Иркутске на следующих основаниях...»: о столетии УрГЮУ сквозь призму документа // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 204–210.

История Казанского университета / гл. ред. И. П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 656 с.

Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 483 с.

Кожевников А. Первая мировая война, гражданская война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: материалы Междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 87–111.

Кунц Е. В. М. Н. Муравьев: реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый хронограф, 2018. 328 с.

Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В. А. Томсикова. М.: Зерцало, 2004. 576 с.

Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России / отв. сост. Д. И. Раскин. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. 920 с.

Миронос А. А. Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2000. 43 с.

Павлова Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1990. 240 с.

Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1 / предисл. В. А. Садовничего. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 416 с.

Родный А. Н. Международно-региональная и ведомственная мобильность российских естествоиспытателей в XVIII – первой половине XIX века // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 2. С. 9–28.

Соболева Е. В. Организация науки в пореформенный период. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 262 с.

Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование Александра I. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1889. 671 с.

Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. 5-е изд., изм. и доп. Ч. 1. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1914. 823 с.

Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М.: Университетская тип., 1855. 584 с.

Alma Mater. Иркутский классический... Историко-публицистические очерки, посвященные 85-летию Иркутского государственного университета / гл. ред. и сост. А. Гимельштейн. Иркутск: Восточно-Сибирская изд. компания, 2003. 503 с.

References

- Andreev A. Yu. (2001) *Lektsii po istorii Moskovskogo universiteta. 1755–1855* [Lectures on the history of Moscow University. 1755–1855]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 240 p.
- Andreev A. Yu. (2009) *Rossiiskie universitetы XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoi istorii Evropy* [Russian Universities of the XVIII – first half of the XIX century in the context of European University history]. Moscow, Znak, 640 p.
- Andreev A. Yu. (2010) *Utverditel'naya gramota* [Certificate of approval]. In *Imperatorskii Moskovskii universitet: 1755–1917: entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 749–750.
- Andreev A. Yu. (2023) *Kafedra i tron: perepiska imperatora Aleksandra I i professora G. F. Parrota* [The Chair and the throne: correspondence between Emperor Alexander I and Professor G. F. Parrot]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 736 p.
- Anufriev A. V. (2017) *Sozdanie i pervye gody deyatel'nosti IGU* (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii) [The creation and early years of the IGU (based on the materials of the State Archive of the Russian Federation)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser.: Istorya, vol. 21, pp. 166–172.
- Ermolaev I. P. (Ed.) (2004) *Istoriya Kazanskogo universiteta* [The history of Kazan University]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 656 p.
- Filippov A. N. (1914) *Uchebnik istorii russkogo prava* [Textbook of the history of Russian law], 5th ed., revised and add. Yuriev, Tipografiya K. Matisseна, part 1, 823 p.
- Georgievskii A. I. (1902) *K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Towards the History of the Academic Committee of the Ministry of Public Education]. Saint-Petersburg, Senatskaya tipografiya, 202 p.

Gimel'shtein A. (Ed.) (2003) *Alma Mater. Irkutskii klassicheskii... Istoriko-publitsisticheskie ocherki, posvyashchennye 85-letiyu Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Alma Mater. Irkutsk Classical... Historical and journalistic essays dedicated to the 85th anniversary of Irkutsk State University]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya, 503 p.

Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region]. Collection R-71. Inventory 1. File 22. Lists 63, 64.

Kazarin V. N., Lyakutina Yu. P. (2012) *Yuridicheskoe obrazovanie v Vostochnoi Sibiri (1918–1991 gg.)* [Legal education in Eastern Siberia (1918–1991)]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU, 483 p.

Kozhevnikov A. (2003) *Pervaya mirovaya voina, grazhdanskaya voina i izobretenie «bol'shoi nauki»* [The First World War, the Civil War and the invention of «big science»]. In *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov: conference papers*. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 87–111.

Kunts E. V. (2018) *M. N. Murav'ev: reformator, popechitel', nastavnik, poet* [M. N. Muravyov: reformer, trustee, mentor, poet]. Moscow, Novyi khronograf, 328 p.

Latkin V. N. (2004) *Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX vv.)* [Textbook of the history of Russian law during the Empire (XVIII and XIX centuries)], ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, Zertsalo, 576 p.

Mironos A. A. (2000) *Uchenye podrazdeleniya v sisteme administrativnogo upravleniya Rossii v pervoi polovine XIX veka: zadachi, struktura, evolyutsiya: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Academic divisions in the Russian administrative management system in the first half of the XIX century: tasks, structure, evolution: theoretical research: an abstract of a doctor of historical sciences thesis]. Nizhniy Novgorod, 43 p.

Pavlova G. E. (1990) *Organizatsiya nauki v Rossii v pervoi polovine XIX v.* [The organization of science in Russia in the first half of the XIX century]. Moscow, Nauka, 240 p.

Petrov F. A. (2002) *Formirovaniye sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii* [Formation of the university education system in Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, vol. 1, 416 p.

Raskin D. I. (Ed.) (2007) *Ministerskaya sistema v Rossiiskoi imperii: K 200-letiyu ministerstv v Rossii* [The Ministerial system in the Russian Empire: On the 200th anniversary of Ministries in Russia]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 920 p.

Rodnyi A. N. (2016) *Mezhdunarodno-regional'naya i vedomstvennaya mobil'nost' rossiiskikh estestvoispytatelei v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [International, regional and departmental mobility of Russian naturalists in the XVIII – first half of the XIX century]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 7, no. 2, pp. 9–28.

Shevyrev S. P. (1855) *Istoriya imperatorskogo Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu ego yubileyu. 1755–1855* [The history of the Imperial Moscow University, written for its centennial anniversary. 1755–1855]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 584 p.

Soboleva E. V. (1983) *Organizatsiya nauki v poreformennyi period* [Organization of science in the post-Reform period]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 262 p.

Sukhomlinov M. I. (1889) *Issledovaniya i stat'i po russkoi literature i prosveshcheniyu. T. 1: Materialy dlya istorii obrazovaniya v Rossii v tsarstvovanie Aleksandra I* [Research and articles on Russian literature and enlightenment. Vol. 1: Materials for the history of education in Russia during the reign of Alexander I]. Saint-Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina, 671 p.

Vladimirskii-Budanov M. F. (1874) *Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie v Rossii XVIII veka. Ch. 1: Sistema professional'nogo obrazovaniya (ot Petra I do Ekateriny II)* [The state and public education in Russia of the XVIII century. Part 1: The system of professional education (from Peter I to Catherine II)]. Yaroslavl, Tipografiya G. V. Fal'k, 325 p.

Vladimirskii-Budanov M. F. (1874) *Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie v Rossii s XVII veka do uchrezhdeniya ministerstv* [The State and public education in Russia from the XVII century to the establishment of ministries]. Saint-Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, 142 p.

Vladimirskii-Budanov M. F. (1995) *Obzor istorii russkogo prava* [An overview of the history of Russian law]. Rostov-on-Don, Feniks, 640 p.

Zipunnikova N. N. (2017) «Uchredit' gosudarstvennyi universitet v gorode Irkutske na sleduyushchikh osnovaniyakh...»: o stoletii URGYuU skvoz' prizmu dokumenta [«To establish the state university in Irkutsk on the following grounds...»: on the 100th anniversary of the Ural State Law University through the prism of the document]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 204–210.

Zipunnikova N. N. (2024) *Ot universitetskikh ustavov Rossiiskoi imperii k sovetskim zakonam ob obrazovanii i nauke: o formirovaniyu yuridiko-intellektual'nogo prostranstva (yubileinaya magistral')* [From the university statutes of the Russian Empire to the Soviet laws on education and science: on the formation of legal and intellectual space (jubilee highway)]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 170–183.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025